

«ВСЕ БЫЛО КОГДА-ТО — БЫЛО»

«Пятое октября 1991 года. Жители Датч-Харбора заняты подготовительной суетой. В обед на самолете из Анкориджа должна прилететь камчатская делегация, прибывшая на Аляску с ответным дружеским визитом в город-побратим. Возглавляет ее председатель Петропавловского городского Совета народных депутатов Александр Вакарин. В ее составе летит и известный корякский танцевальный ансамбль «Мэнго». Для расселения членов делегации в общежитиях рыбозавода «Вествуд Сифудс», где проживаем и мы, готовятся комнаты.

К прилету самолета тоже отправляемся в аэропорт Датч-Харбора. До того соскучились по России, по Камчатке, что встреча со знакомыми лицами заранее сулит нам праздничное настроение...

После приземления самолета с нетерпением ждем в здании аэровокзала появления представителей нашей делегации. Когда они стали входить в зал ожидания, я приятно был поражен: среди делегатов оказался и ответственный секретарь «Камчатской правды» Михаил Жилин... Они тоже, в свою очередь, были удивлены нашим здесь присутствием...

После радостных рукопожатий я отвел Михаила Яковлевича в сторону и стал расспрашивать о жизни редакции после происшедших в Москве августовских событий. Он рассказал, что заметки мои о путешествии в редакции получали и постоянно публиковали. Читатели с интересом следили за нашим плаванием. Виктор Иванович Лихно из газеты уволился, — ему посыпались угрозы от каких-то рьяных коммунистонавистников, почувствовавших «демократическую» слабину в обществе. А на его место поставили Галину Треумову, бывшую его заместителем. И что газета теперь именуется не «органом КПСС», а «народной газетой»...

Такие события в родных пенатах меня несколько разочаровали. Жаль будет, если ежедневная газета, тираж которой достигал ста тысяч экземпляров, развалится...»

Эти строки я написал в книге «Топорки летят на Алеуты» после посещения русской делегацией в 1991 году Аляски и США на яхте «Тарпон» (в составе экипажа из восьми человек) по приглашению американской стороны для празднования двухсотпятидесятилетия Русской Америки.

И хотя мы работали с Жилиным в одной редакции — сталкивались только по рабочим делам. Вот именно, сталкивались. Дело в том, что, по ответсекретарской должности, он вычитывал все идущие в газету материалы и правил статьи и заметки, обрезая острые углы. Работал я тогда специальным корреспондентом по рыболовному флоту и водному транспорту, и на волне только что вошедшей в моду экологической борьбы за сохранение водных биоресурсов разносил всех нерадивых

капитанов, генеральных директоров рыболовных и рыбообрабатывающих баз, торгового порта и всех клерков горкома и обкома, имеющих к ним отношение. Нет, я не оскорблял «героев» своих статей так, как это делается теперь на страницах многих частных газет по заказу заинтересованных денежных «спонсоров», особенно в периоды выборных кампаний, но в пространственных выражениях тоже был несдержан.

Жилин вырезал все мои эмоции и оставлял только суть. Остроты они не теряли, но накал страстей уходил. Меня это элементарно раздражало, и после каждого выхода своего материала я заходил к нему в кабинет и, потрясая средством массовой информации, требовал сатисфакции. Он пытался мне объяснить, что-де, какая тебе разница: мысль осталась, факты не искажены, а лишние строки, которые он удалил, нужны в газете для другого материала. Оно, конечно, да, но это стиль моего писания, и кто ему дал право так обходиться с моими текстами!

Но газета уже была выпущена, слов назад не вернешь, и я, в сердцах хлопнув дверь, возвращался в свой кабинет писать следующую «разоблачительную» статью.

И вот встреча в Датч-Харборе нас сблизила. Вернувшись через полтора месяца в Петропавловск из этого затяжного, почти пятимесячного плавания, многое передумав о быстротекущем бытии, оценив многие преимущества советского общества перед пресловутым американским обществом «равных возможностей» и увидев стремительно разрушающееся благодаря «перестройке» родное государство, я стал на дружественную тропу к кабинету с табличкой: «Ответственный секретарь М. Я. Жилин».

Теперь я понимаю — он научил меня журналистской этике, которая сегодня отсутствует у половины молодых (и немолодых) журналистов. Научил сдерживать свои авторские эмоции в критических статьях. И не только он. В «Камчатской правде» тогда работали такие известные журналисты, как Владимир Ефимович Матвеев, Владимир Иванович Науменков, Владимир Ильич Лим... И сам редактор, Виктор Иванович Лихно, который подтянул более молодые и вольные силы из начинающих писателей для работы в журналистике.

Это была настоящая государственная газета, которая выражала интересы народа, а не отдельной кучки любителей острых письменных разборок. Она не накаляла страсти, не разжигала вражду между личностями и народами, никого не оскорбляла и предоставляла только факты. Пропагандировала здоровую критику, а не выливание ушатом с помоями на своих антигероев, уважала их личное достоинство. В нее верили, в нее шли с жалобами, и она помогала людям. Если у корреспондента были на руках основательные доказательства чьей-то чиновничьей несправедливости, этот чиновник не мог уже рассчитывать на дальнейшую работу в этой должности. Власть разбиралась со своим подопечным. А теперь в СМИ сплетни часто подаются как факты, монологи состоят из одних оскорблений, а диалоги превращаются в горлопанство. Корреспондент помимо фактов должен иметь еще и деньги, и хороших адвокатов, чтобы, если что, — судиться со своим очерковым «героем», если тот подаст в суд. Этого критиковать нельзя, потому что он наш спонсор; про того плохо писать нельзя, потому что он депутат; про третьего — потому что он друг редактора...

В результате газеты пестрят материалами только о положительной работе губернаторов и председателей законодательных собраний и депутатских дум. Если бы не они — герои четырехлеток, не видать бы нам хорошей жизни, как андеграундским кротам светлого неба. А где простой труженик, который тянет на себе весь воз российских хозяйственных работ и не может вытащить ноги и руки из нужды и повседневной рутины, как из тундрового болота?

А потом президент отстраняет этих губернаторов от власти и отдает под суд за взяточничество, рвачество и прочую коррупцию. А редакторы «восхвalebных»

местных газет с ложным удивлением разводят руками: «Да кто же его знал? С виду такой честный радетель за народ был».

Через три года все так и случилось, как я опасался в Датч-Харборе: областная и городская власти, кстати состоящие из бывших коммунистов, «народную газету «Камчатская правда», сменив пять редакторов, развалили. Все «старперы» (старые перья) вынуждены были уйти на пенсию и покинуть пределы журналистики, возвращаясь к ней только по личной надобности; многие поумирали (царствие им небесное). Ушел на пенсию и Михаил Яковлевич. Но он перешел из одной ипостаси в другую: вступил в Союз писателей России. А в среде писателей пенсионеров не бывает. Они пожизненные самодеятельные труженики. Потому что им вообще никто ничего не платит. Хочешь писать — пиши. Хочешь издаваться — приноси в издательство деньги, и твою книгу напечатают. Больше денег — больше тираж.

Вот так и живет сегодня журналист-писатель Михаил Яковлевич Жилин. Вытягивает из него наша действительность жилы, а он не сдается. А так как он по натуре деятельным и семижилым человеком оказался, и постоянно своими публикациями напоминает людям о своем существовании, и пользу приносит, оставаясь примером для подрастающего поколения (то туда, то сюда приглашают выступить), то ему в январе 2017 года, в День российской печати, Союз журналистов Российской Федерации диплом лауреата премии вручил. На дипломе том написано: «Журналистская слава Камчатки. За большой вклад в развитие камчатской журналистики. 13 января 2017 г.». А губернатор В. И. Илюхин — Почетную грамоту правительства Камчатского края «за многолетний добросовестный творческий труд, высокий профессионализм, большой личный вклад в развитие журналистики в Камчатском крае и в связи с Днем российской печати» подписал.

БОЛЬШАЯ ВОЙНА НА МАЛОЙ РОДИНЕ

Родился Михаил Яковлевич в 1937 году в затерянной в лесах, вдалеке от больших дорог, белорусской деревне Городец Горецкого района Могилевской области. Границей Белоруссии с русской Смоленской областью им служила река Городня, впадающая в Вихру. Вихра в свою очередь впадала в Сож, а Сож — в Днепр. Места привольные, богатые дичью, зверем и рыбой. Жили по тем временам безбедно. Отец, Яков Федотович, работал плотником в деревенском колхозе. Мать, Фекла Емельяновна, тоже колхозница. Кроме Михаила в семье были две старшие сестры, а перед самой войной родился еще и брат.

Как бы сложилась его жизнь в дальнейшем — богу ведомо, но двадцать второго июня 1941 года немцы вероломно напали на СССР и осадили Брестскую крепость. Война порушила все радужные родительские планы на воспитание своего подрастающего поколения. Отца забрали в армию. Мать осталась с четырьмя малолетними детьми на положении работницы трудового фронта: «Все для фронта — все для Победы!».

Фашисты превосходящими Красную армию силами продвигались стремительно, оставляя в своем тылу русские военные части. Попала в окружение, а потом и в плен, и часть, в которой служил отец.

Временный лагерь для военнопленных, в котором содержался сорокалетний Яков Федотович со своими однополчанами, находился под Новгород-Северским Черниговской области. Территория в голом, изрытом окопами поле была обнесена колочей проволокой с охранными вышками по периметру. Заключенных кормили плохо, если не сказать, что совсем не кормили: две-три сырые картошины или брюквы на обед и ужин да кружка воды. Каждый день гоняли на рытье земляных

укрепленный и потом снова, на ночь, стогнали на территорию лагеря под открытое небо. Пленные от истощения и голода, холода и недосыпания умирали десятками. Тех, кто пытался убежать, — расстреливали не церемонясь. А осенью пошли дожди — нудные, долгие и промозглые. У отца распухла и загноилась нога. Медицинской помощи ждать было неоткуда. После недолгих раздумий он принял решение бежать. При таком состоянии ему так и так оставалось жить недолго: все равно пристрелят, когда он не сможет больше работать. Подбил на побег еще двоих своих земляков из соседних деревень. Приметили место, в котором можно было незаметно приподнять над землей колючую проволоку и вылезти под ней из лагеря.

В одну из темных дождливых ночей пустились в бега. Все прошло благополучно. До рассвета, задыхаясь, передвигаясь с максимальной скоростью, ушли на восток километров на двадцать. Собаки в такую погоду след взять не могли, поэтому их больше волновало, как бы не напороться на расположения немецких войск. Как далеко находится фронт, никто из местных жителей, к которым они обращались, не знал, поэтому решили пока пробираться домой.

И добрались. Обросшие бородами, изможденные и голодные. Двое. Третий не смог пересилить чувство голода, когда им дали в какой-то деревне досыта поесть и переодеться в гражданскую одежду. Переел и умер от заворота кишок.

Так и запомнился Михаилу отец в первых своих осмысленных впечатлениях бородастым дедом.

Вот тут и помогла их семье отдаленность от проезжих дорог. Осенью на лесной дороге непролазная грязь, зимой — непроезжие снега, а летом немцы боялись лезть в леса, опасаясь партизан. Один только полицейский участок находился на их территории, и то — не главного значения. Отец редко выходил из дома, чтобы не привлекать внимания нечасто наезжавших полицаев, лечил ногу народными средствами. Да и полицаи не старались особенно выслуживаться перед новой властью — тоже, видимо, опасаясь партизанского возмездия. Но нога, пораженная болезнью, называемой в народе «рожа», покрытая язвами, не поддавалась лечению. Так и прожил он два года в этом заброшенном богом уголке, борясь со своей болезнью и поддерживая домашнее хозяйство и детей.

В сентябре 1943 года, когда возраст Михаила подходил к шести с половиной годам и он уже с полной серьезностью стал воспринимать происходящие события, он запомнил, как пришедшие в деревню партизаны рассказали жителям, что Смоленск взят нашими войсками и Красная армия скоро будет здесь. Все ждали появления русских солдат, но поперли отступающие немцы. В деревне они не задерживались, но забирали у сельчан все, что находили из продуктов и живности. Однажды хотели переночевать в их избе, но, увидев гниющую отцову ногу, брезгливо поморщились и быстро ретировались из помещения.

Через два дня в деревню вошли наши наступающие части и расположились обозами на окраине, около сельской церкви, дымя полевыми кухнями и кострами. Вот тут-то и начались самые главные семейные страхи. Авианалеты чередовались с артобстрелами, жители отсиживались по погребам, свежевырытым окопам, близлежащим оврагам и под крутыми берегами речки. Но спасло большинство жителей то, что немцы бомбили и обстреливали в основном начало деревни, территорию у церкви, где располагались наши войска. По-видимому, немецкая разведка тоже не дремала. Даже дом Жилиных, находящийся в центре села, остался невредимым. Впрочем, как и многие другие. Наши части, неся значительные потери, под бомбежкой снимались и продвигались дальше на запад. Вблизи деревни оставался только полевой военный госпиталь. В конце концов, жители деревни в целях безопасности вынуждены были уйти дальше в тыл и обустроить себе под ночлеги оставленные солдатами окопы, в которых прожили всю осень, до наступления холодов.

Линия фронта ушла на десяток километров к западу, но по тылам наших войск продолжали работать вражеские бомбардировщики и артиллерия. Почти целый год передовая держалась на рубеже поселков Ленино — Дрибин и выше — по реке Проне. В доме Жилиных расположился штаб полка. И когда мать с четырьмя детьми вернулась в зиму домой, им выделили закуток, где они и проживали под обстрелами до начала 1944 года.

Зима в тот год в Белоруссии выдалась суровая. Детям в изношенной ветхой одежке невозможно было гулять, и Михаил от нечего делать подолгу наблюдал из своего угла за работой сотрудников штаба — как прибегали к ним с докладами усталые посыльные. Иногда, в спокойных перерывах, он задавал пишущему что-то на цветных листках офицеру «сурьезные» вопросы. Мать пресекала его попытки отвлечь секретаря от рукописной работы, цыкая, чтобы он скрылся и не мешал дяде работать. Но секретарь, как вспоминает Жилин, улыбаясь, великодушно останавливал мать: «Пусть смотрит! Писарем будет!»

— И как в воду глядел! — смеется теперь Михаил Яковлевич. — Так я «писарем» и стал!

Мать и так уже намучилась с четырьмя детьми, таская их в убежище и укрывая от бомбежек, а тут с начала года новые напасти пошли — болезни из-за худой одежды. Хорошо военные госпитали не отказывали в лечении и мирного населения. Михаил схватил воспаление легких и кое-как выкарабкался с того света. Потом, с тифом, госпитализировали старшую, пятнадцатилетнюю сестру. Следом, с гриппом, загремел младший, пятилетний братик и опять же сам Михаил.

Ближе к весне, когда с болезнями в семье вроде бы все обошлось, но от артобстрелов все-таки погибло несколько сельчан, а линия фронта так и осталась держаться на прежнем рубеже (немцы отчаянно сопротивлялись, не давая советским войскам продвигаться к центру Белоруссии), военное командование приняло решение эвакуировать жителей дальше в тыл.

Сначала их перевезли в деревню Паньково Смоленской области, где приходилось жить в брошенном блиндаже, потом в деревню Завидовку Красненского района, а потом еще на двадцать пять километров вглубь России, в деревню Лисово, где для проживания им выделили сарай, высланный прошлогодней соломой. Еду варили из выпрошенной у жителей крупы и весеннего подножного корма во дворе на кострах.

В июне 1944 года Штаб командования Красной армией вводит в действие стратегический наступательный план «Багратион». С началом наступательной операции фронт стремительно покатился вглубь Белоруссии, и эвакуированным ранее с прифронтовых освобожденных территорий белорусам разрешили вернуться в родные места.

Для семьи Жилиных и их односельчан наступило время восстановления разрушенного войной хозяйства и перехода к дальнейшей, неустроенной пока мирной жизни...

Но к этому периоду мы вернемся чуть позже. А пока расскажу параллельно о судьбе отца, Якова Федотовича.

С приходом в Городец первых передовых отрядов советских войск в сентябре 1943 года отец отправился в штаб полка и доложил о своем состоянии здоровья и намерении продолжить службу в рядах наступающих частей. Его осмотрели в медсанбате и направили на излечение в ближайший полевой госпиталь. В течение месяца ногу подлечили, а затем Жилина отправили на станцию Починок Смоленской области, где пополнялась очередная, потрепанная боями пехотная часть. Отца определили в батальон связи, и уже в конце октября часть двинулась к фронту. По дороге на фронт его отпустили на ночь домой попрощаться с семьей. Михаил запомнил отца с автоматом и коробкой телефонного аппарата

через плечо... Ранним утром он распрощался с женой, поцеловал детей, наказав им долго жить, и подмерзшей за ночь, разбитой лесной дорогой ушел в небожье.

До конца декабря 1943 года от него пришло три письма, а потом он замолчал навечно. В полученном матерью в 1945 году государственном извещении сообщалось, что Яков Федотович Жилин пропал без вести. И только в 2009 году, когда в Интернете уже появились многие рассекреченные документы Министерства обороны СССР периода Великой Отечественной войны, племянник Михаила Яковлевича раскопал затерянные данные о своем деде. Оказалось, что Яков Федотович, при выполнении боевого задания, в конце декабря получил тяжелое осколочное ранение в голову и скончался третьего января 1944 года в полевом госпитале недалеко от райцентра Лиозно Витебской области. Братская могила, в которой он потом был перезахоронен, находится там же, на окраине Лиозно, и родственниками найдена. Слава Богу, хоть так: есть теперь место, куда можно съездить и поклониться родному праху.

...Вернувшись в свою деревню, жители Городца приступили к восстановлению колхоза. Вот тут-то и пригодилась им практика довоенной колхозной жизни: по-одиночке едва ли что можно было сделать после разрухи такого масштаба, которую претерпела оккупированная часть России. Все способные держать оружие мужчины были на войне, старики не выдержали оккупации и эвакуации — умерли, остались только женщины с малолетними детьми и «взялись за гуж». Вернулась в свою уцелевшую хату после долгих мытарств и Фекла Емельяновна со своими, слава Богу, здоровыми детьми. Но дети были плохими помощниками, за ними нужен был глаз да глаз: в полях и лесах оставалось несчетное количество неразорвавшихся мин и снарядов. Дети рвались в леса и луга за подножным кормом — диким луком, щавелем, ягодами, грибами, потому что дома есть было нечего. В этом смысле они были тоже семейные снабженцы: приносили собранные дикоросы. Но некоторые не возвращались, подрываясь или на минах, или на каком-нибудь неразорвавшемся снаряде, при попытке самостоятельно разрядить его.

Гибли на минах вместе с людьми и животные, выгнанные на выпас или при вспашке полей. Женщины сами, впрягшись в плуги по несколько человек, вспахивали свои поля под засевы рожью и пшеницей. Семена доставали с большим трудом, привозили их из не попавших под оккупацию территорий России.

Но время шло. До окончания войны был еще почти целый год, а жить надо сейчас. Те хозяева, чьи дома были разбомблены, разламывали бревенчатую мостовую — вымощенную строительными войсками дорогу — на строительство деревенских домов. Восстановили школу-четырёхлетку, в которую и пошел осенью учиться Михаил. Жизнь потихоньку налаживалась.

С пятого по десятый классы ученикам Городецкой начальной школы пришлось ходить на занятия в соседнюю деревню Каменку, за семь километров. И это каждый день, в любую погоду.

Десять классов Каменской средней школы Михаил Жилин окончил с серебряной медалью и пошел работать «писарем» (как и сулил ему некогда штабист) в Горецкую районную газету «Ленинский шлях». Еще в девятом классе он начал публиковать в ней свои деревенские заметки, поэтому по окончании школы его сразу взяли в редакцию на должность корреспондента. После года работы решил поступать на журналистский факультет Киевского государственного университета имени Тараса Шевченко, но обстоятельства чуть не перечеркнули все его мечты.

Шел 1956 год. Подходила пора службы в армии, и весной Михаила вызвали на военную предармейскую медицинскую комиссию. Проводился набор в Военно-морской флот, поэтому отбирали туда с пристрастием, как в космонавты, абсолютно здоровых юношей. Из четырнадцати человек отобрали двенадцать, в число которых

вошел и Михаил. «Ну все! — думал он. — Теперь трубить четыре года по морям, по волнам!» Но в армию, в пехоту, забрали по весне только тех, кто не прошел эту комиссию «с пристрастием», а прошедших почему-то оставили до особого распоряжения. И это особое распоряжение сыграло ему на руку. Он успел съездить в Киев и успешно сдать положенные ему, как медалисту, всего два вступительных экзамена. А потом и справка о зачислении в вуз возымела свое действие.

Когда в августе пришло особое распоряжение на отправку во флот, Михаил показал документ о приеме в университет и его оставили в покое. Вот так он и стал журналистом.

ВТОРАЯ РОДИНА — КАМЧАТКА

Уже обучаясь на последнем курсе Киевского института, сокурсники стали подыскивать себе места для распределения — списываться и созваниваться с интересующими их редакциями. В конце пятидесятых — начале шестидесятых годов прошлого века все романтики, конечно же, болели целиной. Списался и Михаил с редакцией «Молодой целинник», но получил письмо с отказом: де журналистов сейчас много едет на целину, а редакция не может ждать его до окончания института. А в это время его товарищ, списавшийся с Камчаткой, вдруг отказался ехать на край света. Михаил взял у него адрес и написал в «Камчатскую правду». Ответил ему тогдашний замред Николай Георгиевич Канищев, который даже попросил, чтобы (если это возможно) он не отгуливал положенный ему после института отпуск, а выезжал на Камчатку сразу после распределения, потому что в летнее время у них в газете с кадрами напряженка. Михаил пошел навстречу хорошему, так сказать, человеку и, получив в конце июня 1961 года диплом, сразу махнул к месту работы, куда прибыл пятнадцатого июля, о чем свидетельствует теперь запись в его трудовой книжке. И тут же, только обустроился, — сразу был отправлен в командировку в Усть-Камчатск на рыбные промыслы. Так началась его журналисткая деятельность в промышленном отделе редакции «Камчатской правды».

Потом его назначили заместителем ответственного секретаря газеты. В 1968 году он стал работать еще и корреспондентом ТАСС по Камчатской области. Восемнадцать лет отдал он этой работе, а последние годы, перед выходом на пенсию в 1991 году, работал в должности ответственного секретаря газеты «Камчатская правда».

Работая в журналистике, он много путешествовал по Камчатке и занимался литературной деятельностью — писал рассказы о птицах и зверях, проживающих на полуострове, подкрепляя свои наблюдения фотографиями и отправляя их в союзные журналы и сборники. За это время у него вышло восемь книг. В 1979 году издательство «Детская литература» в Москве выпустило сборник рассказов «Огненное ожерелье», а годом позже — «Многоэтажные острова».

Работая в «Камчатской правде», он познакомился и подружился с журналистом-писателем из «Комсомольской правды» Василием Михайловичем Песковым, который часто приезжал на Камчатку в творческие командировки. Прошел и пролетел с ним по Камчатке многие тысячи километров, написал в соавторстве книгу «Русский след» в 1994 году, посвященную двухсотлетию открытия Русской Америки.

Потом были: в 1998 году — сборник рассказов и очерков «Плывать по морю необходимо», посвященный трехлетию присоединения Камчатки к России; в 2006 году — «Птичьи базары», рассказы о птицах, проживающих на островах и побережье Камчатки, подкрепленные цветными фотографиями; в 2014-м — «Тропа к гейзерам», очерки о первооткрывателях Долины гейзеров — Татьяне Ивановне Устиновой и Анисифоре Павловиче Крупенине.

В друзьях у него был и председатель Елизовского госспромхоза, руководитель авиационно-туристической компании «Кречет» Анатолий Георгиевич Коваленков, с которым он прошел на моторной лодке «Прогресс» от Петропавловска, через острова Карагинский и Верхотурова в Карагинском заливе, до поселка Корф — около пятисот миль — порядка девятисот километров водного пути. А на такой полумесячный поход вдоль берегов нашего «Тихого» океана не каждый решится, даже в особо жаркий летний период: «Камчатка, сэр!»

В составе организованной Коваленковым экспедиции на оленьих и собачьих упряжках он прошел и пролетел на вертолете по маршруту первооткрывателя Камчатки — атамана Владимира Атласова «со товарищи»: от села Марково до реки Камчатки. При впадении речки Кануч (потом стала называться Крестовой, а теперь носит название — Белая) ими был восстановлен Памятный крест Атласова с такой же надписью, которая существовала на кресте, установленном первопроходцами в честь присоединения Камчатки к России: «7205 (1697) года июля 13 дня поставил сей крест пятидесятник Володимер Атласов со товарищи 55 человек*».

По результатам этого похода Михаил Яковлевич написал исторический очерк и составил из очерков других авторов на эту же тему книгу «Камчатский Ермак», которая увидела свет в издательстве «Новая книга» в 2011 году. Но, в дополнение к письменным материалам, экспедиция вела и киноверсию своего похода, которая затем оформилась в одноименный видеофильм. В 2006 году этот фильм вышел в финал на конкурсе ТЭФИ в городе Сочи. Его два раза показывали на телеканале «Культура».

После выхода книги и видеофильма «Камчатский Ермак» казаки Всекамчатского Союза казаков России, оценив весомый вклад писателя в дело возрождения казачества на Камчатке, приняли М. Я. Жилина в свою общину и присвоили звание «Почетный казак ВСКР».

Михаил Яковлевич и сегодня не выпускает из рук фотоаппарата, продолжает писать и публиковаться в местных, камчатских и всероссийских СМИ, журналах и альманахах, встречается с творческой молодежью и активно участвует в деятельности Камчатского отделения Союза писателей России. Вот уже более десяти лет является членом общественного совета российского детского журнала для семейного чтения о природе «Муравейник». В 2012 году получил литературную премию имени И. С. Соколова-Микитова на Смоленщине за очерки о камчатской природе.

Жизнь продолжается.

* Текст списан с казачьего креста С. П. Крашенинниковым в годы его путешествия по Камчатке (1737–1741) и приведен в книге «Описание земли Камчатки». Там доподлинно: «7205 (1697) года июля 13 дня поставил сей крест пятидесятник Володимер Атласов со товарищи 55 человек».

Дело в том, что Петр I перевел славянское летоисчисление от Сотворения Мира в Звездном Храме на христианское, от Рождества Христова, украс у славян 5508 лет, и, предвидя недовольство народа, в Указе написал: «А буде кто захочет писать оба те лета, от Сотворения Мира и от Рождества Христова, сряду свободно».

Так что двойное написание года тогда употреблялось повсеместно. Но тут возникает другой вопрос: крест, который видел Крашенинников и списывал с него церковно-славянскую вязь, был, по-видимому, уже повторный. Потому что реформу свою Петр I ввел с 1 января 7208 (1700) года, к тому же до дальневосточных окраин Руси все царские новшества добирались и утверждались здесь годами. В тот год (за три года до Петровского Указа) казаки могли указать дату только по своему, славянскому летоисчислению — 7205. Или (другой вариант) Крашенинников в своей записи, для ясности всем, вписал в скобках от себя: «1697». — Авт.